

С. А. КОЗЛОВ

Тюменский государственный университет

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ВИЗАНТИНО-ПЕЧЕНЕЖСКОЙ ВОЙНЕ¹

Ключевые слова: Византийская империя, византино-печенежская война, кочевники, Иоанн II Комнин

Проблема соотношения исторической реальности и художественного вымысла в византийской литературе является одной из важнейших в современной византистике. Это неудивительно — от ее решения в значительной степени зависит наше представление и о византийской литературе, и об источниках, которыми мы пользуемся для восстановления истории средневековых обществ. В своей недавней, посмертно вышедшей книге А. П. Каждан обратил специальное внимание на различия между простой констатацией мысли и искусством художественного выражения в византийской литературе и, в частности, на то, что делает определенный текст литературным произведением². При этом литература понималась им не как совокупность написанных текстов, относящихся к *Schrifttum*, а как *littéarité*, т. е. система способов и средств (аллюзий, анафор, ритма и т. п.), составляющих суть авторской «манеры выражения». Несмотря на существование в Византии жанровых законов и границ, проблема разграничения истины и вымысла в описании прошлого и настоящего занимала византийских писателей ничуть не меньше, чем современных авторов. Показательны слова ранневизантийского историографа Прокопия Кесарийского (*De bell.* I, 1.4–5) о том, что «риторике подобает красноречие, поэзии — мифотворчество, истории — истина» (πρέπειν τε ἡγεῖτο ῥητορικῆ μὲν δεινότητα, ποιητικῆ δὲ μυθοποιίαν, ξυγγραφῆ δὲ ἀλήθειαν). Правдивость как основное требование, предъявляемое историку, было общим местом едва ли не всех византийских авторов. Так, Михаил Пселл (*Chron.* VI, 26), вполне в духе Прокопия и всех последующих историографов, утверждал: οὐ γὰρ ἂν ψευσαίμην τὴν ἱστορίαν, ἥς τὸ κράτιστον ἡ ἀλήθεια — «Я не стану извращать истину в историческом сочинении, высшая цель которого — правда». В то же время в другом месте своего труда Пселл замечал (*Chron.* VI, 25): ἐγὼ δὲ ψέγειν μὲν ἀφωσιωσάμην, εἰ μὴ ὅσον ἐν πλάσμασιν, ἐπαίνους <δὲ> ξυντιθεῖς, οὐκ ἐξ ἀπάντων ἅπαντα συλλαμβάνειν εἶωθα, ἀλλ' ἀφείς μὲν τὰ χείρονα, ἀφαιρούμενος δὲ τὰ κρείττονα, ξυναρμόζω ταῦτα κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν καὶ ξυκολλῶ

Сергей Александрович Козлов, аспирант кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — древняя и средневековая история Восточной Европы. E-mail: sergeikozloff.utmn@gmail.com

¹ Благодарю Альберта Григорьевича Бондача (Московская духовная академия), приславшего копии необходимых мне книг.

² Каждан А. П. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 19–20.

καὶ διὰ μιᾶς τῆς ἀρίστης ποιότητος ἐξυφαίνω τὴν εὐφημίαν — «Я же отказался от всяких порицаний (если не говорить о притворных) и, составляя похвальные речи, не вставляю туда все без разбора, но плохое опускаю, выбираю только хорошее, склеиваю его в собственном порядке и тку славословия из одного лишь лучшего материала». Понятно поэтому замечание Евстафия Солунского в комментарии к гомеровской «Одиссее» о том, что «надо исследовать поэтическое произведение, помня при этом, что у поэтов есть закон излагать не голую историю, а насыщать описание вымыслами. Одни из этих сказок, придуманные другими, поэты повторяют, а другие присочиняют сами»³.

Очевидно, таким образом, что полноценный анализ византийских произведений невозможен без учета их литературной специфики. В данной работе мы попытаемся проанализировать византийскую традицию о так называемой последней печенежской, или Веройской, войне с целью выявления исторической информации и отделения ее от разного рода ученых конструкторов и художественных добавлений. Традиция о войне Иоанна II Комнина (1118–1143) со «скифами», особенно рассказы Киннама и Никиты Хониата, неоднократно привлекала внимание исследователей⁴, однако недостаточный учет ее литературной составляющей требует вновь обратиться к этой проблеме.

В изложении Иоанном Киннамом истории царствования Иоанна II Комнина непосредственно за рассказом о его походе в Азию и взятии византийскими войсками Лаодикии, Созополя, Иеракорифита и других крепостей, находившихся в окрестностях Атталии, следует рассказ о вторжении «скифов» в Македонию. По рассказу Киннама (*Hist.* 7.12–9.2 Meineke), по возвращении Иоанна II из азиатского похода в Византию, «огромное войско скифов перешло через Дунай» (Σκύθαι γὰρ πανστρατὶ τὸν Ἰστρὸν διαβάντες) и вторглось в «Македонию» (τὴν Μακεδονικὴν). Византийский василевс выступил против вторгшихся кочевников, однако из-за наступления зимы остановился в «городе Верое» (πόλιν Βερόην), отчасти для того, чтобы подготовиться к войне, а еще более для того, чтобы привлечь на свою сторону некоторых скифских «филархов» (φυλάρχων) и тем самым разделить их войско. К весне византийцы выступили против остальных скифов и разбили их в сражении. «Некоторая же немаловажная часть их, возвратившись в лагерь, не хотела бежать далее, но решила с женами и детьми продолжить битву, воспользовавшись своими повозками, которые они крепко связали друг с другом и, покрыв их воловьими кожами, поместили в них своих жен и детей» (μοῖρα δέ τις οὐκ αὐγνής ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἐπανιοῦσα οὐκέτι φεύγειν ἤξιον, ἀλλ' αὐτοῦ σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις τοῖς αὐτῶν τὸν κίνδυνον ὑποστῆναι εἴλοντο προπονούμενοι τῶν ἀμαξῶν, ἃς βοείοις ἄνωθεν βύρσαις περιλαβόντες ἐς τὸ ἀκριβές τε ἀρμοσάμενοι

³ Цит. по: *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978. С. 118.

⁴ *Kurtz E.* Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos // *Byzantinische Zeitschrift* (далее — BZ). 1907. Bd. XVI. S. 86; *Chalandon F.* Les Comnène: Études sur l'Empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. II. Paris, 1912. P. 49–51; *Каждан А. П.* Еще раз о Киннаме и Никите Хониате // *Byzantinoslavica*. 1963. Vol. XXIV. P. 10; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963. S. 311–312; Византијски извори за историју народа Југославије. Т. IV. Београд, 1971. С. 6. Прим. 1; *Златарски В. Н.* История на Българската държава през сръднитѣ вѣкове. Т. II. София, 1972. С. 367–370; *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 199–228; *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угри // Из истории русской культуры. Т. II. М., 2002. С. 98–99; *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 69–78; *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge, 2006. P. 312–314; *Spinei V.* The Romanians and the Turkic nomads north of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden, 2009. P. 125–127.

ἐπ' αὐτῶν τὰς γυναῖκας καὶ τὰ τέκνα ἐνέθεσαν). Захватить укрепленный лагерь скифов византийцам долго не удавалось. Тогда василевс приказал служившим ему «британским секироносцам» (Βρεταννικὸν...πελεκυφόροις) рубить секирами скифские повозки, и вскоре византийцы овладели лагерем скифов. Остатки скифского войска, «по любви к уже сдавшимся в плен, сдались сами» (τῷ φίλτρῳ τῶν ἐαλωκότων αὐτόμολοι βασιλεῖ γεγονότες), были «вписаны в военное сословие» (στρατιωτικοῖς ἐγγραφέντες καταλόγοις) и поселены на ромейских землях.

Более подробно события военного конфликта византийцев со «скифами» излагаются младшим современником Киннама Никитой Хониатом. Перечислив сначала те же, что и Киннам, эпизоды азиатской кампании Иоанна II, Хониат повествует об обстоятельствах его войны со «скифами» следующим образом. Согласно его сообщению (*Hist.* 13.39–16.14 van Dieten = 19.19–23.3 Bekker), «на пятом году своего царствования» (τὸ πέμπτον ἔτος τῆς αὐτοῦ βασιλείας) Иоанн II выступил в поход против «скифов, переправившихся через Дунай и опустошавших Фракию, словно саранча уничтожая все на своем пути» (Σκυθῶν διαβάτων τὸν Ἰστρον καὶ τὰ Θρακῶα μέρη ληϊζομένων καὶ τὰ ἐν ποσὶν ἀφανιζόντων τοῦ τῶν ἀκρίδων ἀκριβέστερον ἔθνους). Собрав войска и вспомнив как при Алексее I Комнине византийцы потерпели тяжелое поражение от скифов, «когда была занята Фракия и опустошена большая часть Македонии» (ὅτε εἶχετο Θράκη καὶ τὰ πλείστα τῆς Μακεδονίας ἡρήμωτο), василевс сначала воспользовался «стратегическим приемом» (στρατηγικῇ μεθόδῳ): чтобы отклонить от войны часть скифских племен, он отправил к ним с богатыми дарами «послов, единопольных со скифами» (ἀποστολῆς ὁμογλώττων τοῦ τῶν Σκυθῶν). Подкупив подарками часть скифов, василевс тотчас же поднялся из «пределов Верои» (τῆς Βερόης μερῶν), где располагался лагерем, и в сумерки напал на остальных. «Скифы мужественно встретили ромейское войско, наводя ужас своими конными атаками, бросанием стрел и криками при нападениях» (οἳ τε γὰρ Σκύθαι γενναίως ἐδέξαντο τὸ ἡμέτερον στρατεύμα τῇ τῶν ἵππων ἐπελάσει καὶ τῇ τῶν τοξευμάτων ἐπαφέσει καὶ ταῖς βοαῖς ἐν ταῖς ἐμβολαῖς δυσαντίβλεπτοι δεικνύμενοι). Во время битвы скифы, руководимые нуждой, собрали свои повозки, расположили их в виде круга и, поставив на них немалое число своего войска, пользовались ими как валом. В битве василевс оказался не только хорошим и умелым воином, но и проявил невиданное благочестие: когда византийские фланги изнемогали под натиском врагов, он, «став перед иконой Богоматери и с рыданием и с умоляющим видом взирая на нее, проливал слезы, более горячие, чем пот воинов» (τὴν τῆς Θεομήτορος εἰκόνα παρεστῶσαν ἔχων, μετ' οἰμωγῆς ἐμβλέπων, ἐλεεινοῖς τοῖς σχήμασι θερμότερα τῶν ἐναγωνίων ἰδρώτων κατέλειβε δάκρυα). Тотчас же василевс облекся силою свыше и прогнал скифские войска, «как некогда Моисей простертием рук рассеял полчища амаликитян» (ὡς Μωϋσῆς πρότερον τῇ τῶν χειρῶν ἐκτάσει τὰς Ἀμαληκίτιδας Ἴλας ἐλέκλινεν). Затем, взяв «телохранителей, которые защищались длинными щитами и заостренными с одной стороны секирами» (τοὺς ὑπασπιστάς, οἱ περιμήκεσιν ἀσπίσι καὶ πέλυξιν ἑτεροστόμοις φράγνυνται), он устремился на скифов, разрушил их укрепление и обратил в бегство. Множество скифов было взято в плен; остальные «сдались сами из любви к пленным единопольцам» (αὐτόμολον τῷ πόθῳ τῶν ζωγρηθέντων ὁμογενῶν). Часть военнопленных варваров была поселена в западных византийских провинциях; немалое число их было включено в союзные отряды, остальные были проданы. Одержав столь знаменитую победу над скифами, Иоанн II Комнин воздал благодарение Богу и учредил «праздник печенегов» (τῶν Πετζινάκων τελετὴν).

Как видим, сходство между двумя рассказами весьма велико: вторжение «скифов» в северные области Византийской империи; расквартирование византийской армии близ

Верои; описание «скифского» укрепленного лагеря, окруженного повозками; атака византийской императорской гвардии и разгром варваров; сдача «скифов» в плен и их расселение в качестве федератов на территории империи. И краткий рассказ Киннама, и более подробное повествование Хониата посвящены одной и той же теме и по существу ни в чем не противоречат друг другу. Представляется поэтому более чем вероятным, что Никита Хониат, живший и писавший немного позднее Киннама, пользовался сочинением своего предшественника.

В то же время Никита Хониат в прооимиионе к своему сочинению *Χρονικὴ διήγησις* называл себя первым историком описанных им событий (*Hist.* 7.4–5 Bekker); быть первым гораздо труднее, писал он далее, «чем следовать за другими или идти прямо и неуклонно широким и царским путем, иными словами — за чужим историческим сочинением» (*Hist.* 7.7–8 Bekker: *ἐτέρων προωδευκότων ἐφομαρτεῖν, ἢ γοῦν ὡς διὰ λείας καὶ βασιλικῆς βαδίσειν ὁδοῦ, λέγω δὴ τῆς ἐτέρων ἱστορίας*). Основываясь на этих словах византийского историка, некоторые исследователи категорически утверждали, что Хониат не пользовался историческим трудом Киннама⁵. Впрочем, подобным заявлениям византийских авторов не всегда можно доверять. Во всяком случае, сам же Хониат, противореча себе, ссылается на некую *συγγραφὴν* или *ἱστορίαν*, повествовавшую о страданиях жителей Фессалоники в 1185 г. (*Hist.* 306.58–59 van Dieten = 398.19–20 Bekker), судя по всему, на сочинение *Θεσσαλονίκης ἄλωσις* Евстафия Солунского⁶.

Действительно, уже Ф. И. Успенский отметил ряд фрагментов, которые могли быть заимствованы Хониатом у Киннама, и пришел к выводу, что «в описании внешних дел императора И[оанна] Комнина Никита и Киннам не только владеют почти одним и тем же материалом, но и следуют одинаковой системе изложения. Количество и качество известий одного писателя измеряется кругом наблюдения другого»⁷. Позднее, почти три четверти века спустя после Ф. И. Успенского, попытку пересмотреть традиционный взгляд на соотношение двух хроник предпринял румынский византинист В. Греку. Говоря об этом, он показал, что многочисленные совпадения (как во введении, так и в тексте) не могут объясняться случайностью, и пришел к заключению, что Хониат пользовался «Историей» Киннама, которая, по мнению В. Греку, оставалась неизданной⁸. Впоследствии к этой точке зрения присоединился А. П. Каждан, более подробно обосновав ее⁹. Так, он обратил внимание, что сходство между Киннамом и Хониатом не ограничивается лишь близостью отдельных пассажей, что показал уже В. Греку, — оно проявляется в совпадении основного плана повествования, особенно в части, ка-

⁵ *Neumann C.* Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert. Studien zu Anna Comnena, Theod. Prodromus, Joh. Cinnamus. Leipzig, 1888. S. 103; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München, 1891. S. 83; *Chalandon F.* Les Comnène. Vol. II. P. XXV; Васильевский В. Г. Труды. Т. IV. Л., 1930. С. 76; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. S. 291; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. I. Leiden, 1983. S. 272, хотя ниже (S. 274) Д. Моравчик без сомнений писал об использовании Хониатом известий Киннама о византино-венгерских отношениях.

⁶ *Каждан А. П.* Еще раз о Киннаме... С. 4. Прим. 2; *van Dieten I.A.* Nicetae Choniatae Historia. Vol. I. Berlin, 1975. S. 306. См. также: *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 197.

⁷ *Успенский Ф.[И.]* Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874. С. 155.

⁸ *Grecu V.* Nicetas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Kinnamos? // *Revue des études byzantines.* 1949. Т. VII. P. 199 ff.

⁹ *Каждан А. П.* Еще раз о Киннаме... С. 4–31.

сающейся правления Иоанна II Комнина¹⁰. В этой связи весьма показателен сходный у обоих авторов порядок изложения основных событий азиатской кампании Иоанна II, предшествовавшей войне со «скифами». Вслед за этими эпизодами Хониат рассказывает о столкновении византийцев с сербами (*Hist.* 16.15–24 van Dieten = 23.4–15 Bekker), тогда как Киннам, не упоминая сербского похода, говорит об экспедиции в Азию (*Hist.* 9.2–6 Meineke). Далее порядок повествования у обоих историков вновь совпадает. По мнению А. П. Каждана, текст киннамовского сочинения был частично переработан Хониатом, что делалось иногда просто путем подстановки синонимов. Об этом, в частности, свидетельствует фрагмент о сдаче «скифов» в плен, описанный почти теми же словами, что и у Киннама, но с широким использованием синонимов (ср. *Cinn. Hist.* 8.20: τῷ φίλτρῳ τῶν ἐαλωκότων αὐτόμολοι βασιλεῖ γέγονότες и *Nic. Chop. Hist.* 16.6 van Dieten = 22.18 Bekker: αὐτόμολον τῷ πόθῳ τῶν ζωγρηθέντων ὁμογενῶν), «как будто один из авторов старался скрыть сходство своего повествования с оригиналом», по выражению А. П. Каждана¹¹. В последнее время гипотеза о заимствовании Хониатом сведений Киннама стала общепринятой¹², однако этот факт, как правило, игнорируется большинством исследователей рассматриваемой здесь проблемы.

Итак, в настоящее время о независимости обоих историков говорить не приходится. Это, впрочем, и неудивительно — Никита Хониат, писавший в конце XII в., должен был обращаться к письменным источникам для описания царствования Иоанна II Комнина, среди которых, очевидно, была и «История» Киннама. Как известно, за Иоанном Киннамом (после 1143 г. — начало XIII в.), описавшим в своем произведении современные его жизни события, прежде всего периода Мануила I Комнина (1143–1180), прочно закрепилась репутация надежного, достоверного историографа XII в.¹³ Киннамовский труд сохранился в единственной рукописи XIII в. (*Vaticanus graecus* 163) с копией XVI в. (*Neapolitanus graecus* III B 26) и тремя копиями XVII в. (*Barberinus graecus* 167; 192 et 242)¹⁴. Судя по всему, Киннам работал над своим историческим сочинением в основном между 1180 и 1182 гг. Главным аргументом здесь является, видимо, доволь-

¹⁰ Каждан А. П. Еще раз о Киннаме... С. 9–23, 28.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² *Maisano R.* Storia e tradizione culturale a Bisanzio fra XI e XII secolo: Atti della prima Giornata di studi bizantini sotto il patrocinio della Associazione Italiana di Studi Bizantini (Napoli, 14–15 febbraio 1992) (ΙΤΑΛΟΕΛΛΗΝΙΚΑ, Quaderni 3). Napoli, 1993. P. 122–126, 399–402; Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 199; Любарский Я. Н. И вновь о Хониате и Киннаме // Античная древность и Средние века. 2002. Вып. 33. С. 123–127; Он же. Мануил I глазами Киннама и Хониата // Византийский временник (далее — ВВ). 2005. Т. 64. С. 99–109; *Simpson A., Efthymiadis S.* Niketas Choniates: A Historian and a Writer. Geneva, 2009. P. 27–31.

¹³ Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 151.

¹⁴ Византијски извори... Т. IV. С. 4. Вопреки утверждению М. М. Фрейденберга (Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. 1959. Т. 16. С. 30), что «труд Киннама дошел до нас в рукописях XIII в. (курсив наш — С.К.)», со ссылкой на Г. Острогорского, у которого на самом деле сказано: «aus einer einzigen, am Schlusse verstümmelten Handschrift des 13. Jahrhunderts (und deren Abschriften aus dem 16. und 17. Jahrhundert)» (*Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. S. 291). В Ватиканской рукописи XIII в. текст обрывается на изложении событий накануне известной битвы при Мириокефале в 1176 г., в которой византийцы потерпели жестокое поражение от турок-сельджуков, — на следующем листе начинается новое сочинение. Остальные рукописи XVI–XVII вв. являются копиями Ватиканской. Текст Киннама имеется лишь в не критическом издании А. Майнеке 1836 г., подготовленном, видимо, не по Ватиканской рукописи, а по одной из ее поздних копий, скорее всего, по *Barberinus graecus* 242 XVII в. Об этом см. Каждан. Еще раз о Киннаме... С. 6–7, с литературой.

но нейтральный тон рассказа об императоре Андронике Комнине (1183–1185), который, хотя и представлен соперником Мануила, но не изображен поверженным тираном, как это будет у Никиты Хониата¹⁵. Что касается периода правления Иоанна II Комнина, то сведения Киннама о нем явно происходят из хорошо информированного источника, во всяком случае, основная событийная канва военных кампаний византийского императора подтверждается сообщениями трех авторов первой половины XII в. — Феодора Продрома (PG CXXXIII, 1384 AB, ср. 1382 B), Михаила Италика (fr. 229.5–11; 267.20–30 Gautier) и Никифора Васибеки (fr. 52.23–25 Garzya)¹⁶. Хотя эти авторы, по-видимому, не участвовали в военных экспедициях Иоанна II (Феодор Продром и Михаил Италик подчеркивают это обстоятельство¹⁷), они, однако, располагали официальными данными: так, в одном из писем Михаил Италик восхваляет логофета дрома Стефана Мелита за его великолепные реляции о походе Иоанна II в Киликию и Сирию (fr. 232.9–13 Gautier). Вполне вероятно, что эти официальные сведения были доступны и позднее писавшим историкам, в том числе Киннаму.

Кроме византийских писателей, военный конфликт Иоанна II Комнина с кочевниками упоминают и другие авторы. Так, о нем сообщает яковитский патриарх Востока Михаил Сирийский (*Chron.* III, 206–207 Chabot, ed. 1905)¹⁸ со ссылкой на епископа Эдесского Василия: «В том же году (1433 г. эры Селевкидов = 1121/22 г.), император греков

¹⁵ Бибииков М. В. Историческая литература Византии. С. 152.

¹⁶ Так, Феодор Продром перечисляет (при этом пронумеровывая их) военные успехи Иоанна II примерно в том же порядке, что и Киннам: сначала — взятие Лаодикии, затем — захват Созополя, уничтожение скифского племени, порабощение далматов и, наконец, победа над дакийцами (PG CXXXIII, 1384 AB: Ἐάλω λαοδίκεια, μετρήσω σοί δίφρον ἕνα· κεχείρωται σωζόπολις, ἰδοῦ σοί δίφρα δύο· γένος ἠφάνισται σκυθῶν, τρεῖς ἀριθμῶ σοί δίφρους· δαλμάτης ἠνδραπόδισται, τέταρτος οὗτος δίφρος· ἔθνος ἠττήθη δακικόν, πέντε μετρήσω δίφρους·, ср. 1382 B). В несколько ином порядке о военных кампаниях Иоанна II сообщает Никифор Васибеки (fr. 52.23–25 Garzya), связывая победу над далматами с разгромом скифов, «племени, живущего на повозках»: Ὡς καλὰ μὲν σοι καὶ τὰ πρότερον κατ' Εὐρωπαϊῶν ἔθνῶν στρατηγήματα. ἐκεῖνα καὶ δαλμάτας ἐτρέψατο καὶ σκύθας ἐπτόησε καὶ νομάδας, ὅλον ἔθνος ἀμαξήρες καὶ ἀπολίτευτον· πολλοῖς τοῖς λύθροις· καὶ ὅλοις αἰμάτων ποταμοῖς πολυχεύμοσιν τὰ τοῦ Ἰστρου ρεῖθρα ἐπέχρωσεν.

¹⁷ Каждан. Еще раз о Киннаме... С. 8.

¹⁸ Хроника Михаила Сирийского, точнее Старшего (1126–1199), ныне известна как на сирийском языке, так и в арабской и армянской редакциях. Сирийский текст, выполненный серто, или западносирийским (яковитским) письмом, сохранился в единственной рукописи 1598 г., которая по месту находки в 1887 г. названа «Эдесской» (Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 20). До открытия сирийского текста и арабского перевода в конце XIX в., Хроника была известна в основном по сокращенному и искаженному армянскому переводу (его французский перевод см. Langlois V. Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites. Traduite pour la première fois sur la version arménienne du prêtre Ischôk. Venise, 1868), который был сделан в 1248 г. с сирийского автографа самого Михаила Сирийского. Арабский перевод, сделанный в 1759 г., также известен во многих списках, написанных каршунни (на арабском языке сирийскими буквами) и арабской графикой. По сравнению с армянским, арабский перевод является почти дословным и, видимо, сделан с Эдесской рукописи 1598 г. В 1899 г. текст этой рукописи был переведен на французский язык Ж.-Б. Шабо. При этом в своем переводе он восстановил утраченные части Эдесской рукописи при помощи фрагментов из армянского перевода Хроники, сочинений Евсевия Кесарийского, автора III–IV вв., и Бар-Эбрея, сирийского хрониста XIII в. Об этом см.: Chabot J.-B. Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199). T. I. Paris, 1899. P. I–II. Подробно о Михаиле Сирийском и его трудах см.: Moosa M. A Sketch of Syriac Sources on the Crusades // Semaan K.I. The Crusades: Other experiences, alternate perspectives. N.Y., 2003. P. 47–58, с литературой.

Иоанн воевал с народом куманов и сумел подчинить их грекам. Епископ Василий Эдесский, который находился там, сообщает о куманах: «Когда эти куманы направились к Константинополю, император Иоанн пошел на хитрость и заключил с ними мир. Когда они смешались и вошли в город, в том числе в Константинополь и лагерь императора, он тотчас распорядился хватать их повсюду... В тот же день, когда они были схвачены, император со своим войском направился к их лагерю. Согласно своему обычаю, они окружили свой лагерь повозками и оборонялись. В течение многих дней греки никак не могли проникнуть за повозки. Тогда император спешил и приказал, чтобы все всадники сражались пешими. Разгорелась битва, греки устремились вперед, прорывались за повозки и уничтожали многих. Они захватили их предводителей и большое количество других и увели в Константинополь как рабов... В то время они (куманы) снялись с берегов Дуная и отправились с целью завладеть Константинополем. Но император одержал над ними победу, и с тех пор они были подчинены царству греков».

Следует отметить, что некоторые исследователи связывали «скифское» вторжение при Иоанне II Комнине именно с нашествием куманов¹⁹. Сложность вопроса заключается в многозначности наименования «скифы», которым в византийских источниках обозначались вторгшиеся в Византию кочевники²⁰. На наш взгляд, предположение о куманской принадлежности этих «скифов» не может быть принято. Прежде всего, имеющиеся в нашем распоряжении византийские тексты вовсе не позволяют заключить, что речь идет о нападении куманов, и скорее свидетельствуют против этого предположения (см. ниже). Следует учитывать и то, что Михаил Сирийский называл «куманами» (Կուճաճիք в армянском переводе) едва ли не всех северных номадов, враждовавших с византийцами²¹. Крайне маловероятным представляется также мнение о том, что епископ Василий Эдесский, на которого в указанном фрагменте ссылался Михаил Сирийский, «во время самой войны находился в Константинополе и был все-таки непосредственным очевидцем событий», как недавно отмечал И. О. Князький²². Само сочинение Василия Бар-Шумана (ум. 1169/1172 г.), епископа Кишума, затем Эдессы (с 1142 г.), не сохранилось и поэтому трудно судить о достоверности сообщаемых им сведений, однако в любом случае выражение Михаила Сирийского «который находился там» («qui se trouva là» в переводе Ж.-Б. Шабо) вовсе не предрешает, что Василий Эдесский был очевидцем (другое дело — современником) описываемых событий, тем более «находясь в Константинополе», как считает И. О. Князький. Кстати говоря, ошибочная географическая локализация событий в труде Михаила Сирийского заставляет с осторожностью относиться к его данным и, возможно, свидетельствует об их достаточно позднем происхождении (см. ниже). Следует поэтому проявить внимание к мнению о том, что под «куманами» в войне Иоанна II Михаил Сирийский подразумевал печенегов²³.

¹⁹ См., например: *Фрейденберг М. М.* Труд Иоанна Киннама... С. 30; *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. București, 1978. P. 66–71; *Stephenson P.* Byzantium's Balkan frontier: A political study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2000. P. 106.

²⁰ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. S. 281. Ср., однако: *Ibid.* Bd. I. S. 327, где «скифами» названы печенеги.

²¹ Одно из немногих исключений — сообщение о походе императора Исаака I Комнина на «печенегов» в 1059 г. (*Mich. Syr. Chron.* III, 165 Chabot, ed. 1905).

²² *Князький И. О.* Византия и кочевники... С. 75.

²³ *Chabot J.B.* Chronique de Michel le Syrien. T. III. 1905. P. 206. N. 8; Гусейнов Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI–XII вв. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 124.

В своей недавней монографии В. Спинеи пришел к выводу, что «it is not impossible that Cuman groups on the Lower Danube joined them (i.e. Berendei, Pechenegs and Uzes — С.К.)»²⁴. И. Васари, привлекая еще сообщение венгерского хрониста XV в. Яноша Туроци (SRH II, 141 Szentpétery, ed. 1938)²⁵ о том, как некие «куны» (Cunos) во главе со своим вождем по имени Татар, после поражения, нанесенного им византийским императором, были приняты венгерским королем Стефаном II (1116–1131), высказал близкую точку зрения, согласно которой в Веройской войне участвовали «comprised both Pecheneg and Cuman contingents»²⁶. Это предположение также кажется сомнительным. Прежде всего, сама его основа достаточно уязвима. Хорошо известно, что смешение разных групп тюркоязычных кочевников, в том числе куманов и печенегов, являлось обычным для венгерских источников²⁷, поэтому нельзя быть уверенным в том, что «кунами» Туроци обозначал именно куманов. Кроме того, агрессивная экспансия куманами восточноевропейских степей во второй половине XI в. сопровождалась перманентной конфронтацией с прежними хозяевами этих кочевий — печенегами и огузами–торками²⁸, продолжившейся и во времена черноклобукского союза²⁹, что вряд ли способствовало консолидации сил кочевников для крупномасштабной совместной акции. Против этого предположения говорят и данные византийских источников (Cinn. *Hist.* 8.20 Meineke; Nic. *Chon. Hist.* 16.6 van Dieten = 22.18 Bekker), согласно которым после разгрома остатки «скифского» войска добровольно сдались в плен из любви к уже плененным соплеменникам. Трудно представить себе такую сплоченность между недавними непримиримыми врагами.

Напротив, предположение о том, что под «скифами», с которыми воевал Иоанн II Комнин, византийские авторы подразумевали печенежские племена, имеет под собой серьезные основания³⁰. Главным аргументом в его пользу является прямое указание Ни-

²⁴ *Spinei V. The Romanians...* P. 126.

²⁵ Rex autem Stephanus, diligebat Cunos tunc temporis plus quam decebat: quorum dux, nomine Tatar, qui a caede imperatoris, cum paucis, ad regem fugerat, cum rege morabatur.

²⁶ *Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365.* Cambridge, 2005. P. 11. N. 38. См. также *Васильевский В. Г. Труды.* Т. I. 1908. С. 8, который писал о тесной близости печенегов, узов, половцев и турок-сельджуков между собой, обусловленной прежде всего общностью языка, и рассматривал все действия тюркских племен в плане единой общей политики. Ср. *Бибиков М. В. Византийские источники...* С. 204. Прим. 19, где автор справедливо отметил, что тот конкретный материал, который В. Г. Васильевский привел в своей работе, скорее свидетельствует о постоянной разрозненности действий и вражде отдельных групп тюркоязычных кочевников.

²⁷ См., например, *Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи...* С. 85. Прим. 20.

²⁸ Об отношениях противостояния и разобщенности между печенегами и куманами см. *Любарский Я. Н. Византийско-печенежская война 1086–1091 гг. на территории Балкан // Славянские исследования.* Л., 1966. С. 7; *Арутюнова В. А. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время Норманнской кампании // ВВ.* 1972. Т. 33. С. 119; *Златарски В. Н. История на Българската държава.* Т. II. 1972. С. 366–367; *Golden P.B. The peoples of the South Russian steppes // The Cambridge history of Early Inner Asia.* Cambridge, 1990. P. 275 ff; *Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи...* С. 93 сл.

²⁹ *Расовский Д. А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // Seminarium Kondakovianum.* Т. I. Praha, 1927. P. 94.

³⁰ О печенежской принадлежности «скифов» см. *Kurtz E. Unedierte Texte...* S. 86; *Каждан А. П. Еще раз о Киннаме...* С. 10; *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates...* S. 311–312; *Византијски извори...* Т. IV. С. 6. Прим. 1; *Златарски В. Н. История на Българската държава.* Т. II. С. 367–370; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Bd. I. S. 327; *Golden P.B. The peoples...* P. 275; *Бибиков М. В. Византийские источники...* С. 205–206; *Birkenmeier J.W. The development of the*

киты Хониата об учреждении Иоанном II праздника «печенегов» (τῶν Πετζινάκων)³¹ в честь его победы над «скифами» (*Hist.* 16.12–14 van Dieten = 23.2–3 Bekker). Кроме того, рассказывая о подготовке византийцев к войне с вторгшимися кочевниками, Хониат вспоминает о предыдущей войне с *этими* варварами, имея в виду византино-печенежскую войну Алексея I Комнина (*Hist.* 14.44–47 van Dieten = 20.1–5 Bekker). Наконец, в нескольких источниках говорится об окончательном истреблении вторгшихся «скифских» племен (Theod. Prod. V, 25; XXV, 36–37; LXXI, 19 Hörandner; Mich. Ital. Fr. 83.18–24 Gautier; Niceph. Basil. Fr. 119.10–15 Garzya)³². Очевидно, эта победа Иоанна II над «скифами» воспринималась современниками как решающая и окончательная, что лишний раз свидетельствует о невозможности их отождествления с куманами, только становящимися активным военно-политическим фактором в Юго-Восточной Европе³³.

Разбирая проблему этнической идентификации кочевников при Иоанне II, М. В. Бибилов привлек фрагмент Феодора Продрома, отмечавшего «многосемянность» (παυσπερμία) врагов Иоанна II и называвшего их «скифами» и «гетами» (fr. XXV, 35–37 Hörandner). Сопоставляя с этим фрагментом краткое известие *Ипатьевской летописи* под 6629 (1121) г., когда «Прогна Володимерь Береньдичи из Руси, а Торци и Печенъзи сами бѣжаша» (ПСРЛ, II, 286), он достаточно убедительно обосновывает предположение о том, что продромовские «геты» — это торки–узы и, следовательно, в Веройской войне византийцам противостояло объединенное огузо-печенежское войско³⁴. Действительно, уже Д. А. Расовский связывал византино-печенежскую войну Иоанна II Комнина с изгнанием берендеев, торков и печенегов из Руси киевским князем Владимиром Мономахом, замечая при этом, что «иначе трудно себе представить, чтобы осколки Печенегов все еще могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали половцы»³⁵. В последнее время участие в рассматриваемых событиях берендеев, наряду с печенегами и узями, обосновывают И. О. Князький³⁶ и В. Спинеи³⁷, впрочем, не приводя при этом новых аргументов.

Komnenian army, 1081–1180. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 97; Magdalino P. The Medieval Empire (780–1204) // Mango C. The Oxford history of Byzantium. Oxford, 2002. P. 184; Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи... С. 98–99; Князький. Византия и кочевники... С. 73. Странную позицию по данному вопросу занимает Ф. Курта. В тексте своей работы он сначала пишет, что «according to Michael the Syrian, the marauders were Cumans» и, никак не опровергая и даже не оговаривая это мнение, продолжает: «if there were indeed Pechenegs among the marauders of 1122 or 1123, then that was their last notable action», см. Curta F. Southeastern Europe... P. 312–314 (представленная здесь же карта содержит ряд неточностей).

³¹ Единственные разночтения — Πατζινάκων cod. Parisinus graecus 1778, s. XIII; cod. Vaticanus graecus 168, s. XIII–XIV; cod. Vindobonensis Historicus graecus 13, s. XVI et Theodorus Scutariota.

³² Сообщение Анны Комниной о полном истреблении «скифов»-печенегов еще в 1091 г. (*Alex.* 405.18–406.8 Schopenus), видимо, объясняется тем, что ее труд целиком посвящен правлению Алексея I Комнина (1081–1118), при котором это действительно был последний набег печенегов.

³³ Ср. Бибилов М. В. Византийские источники... С. 206.

³⁴ Там же. С. 207–212.

³⁵ Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи... С. 98–99. Прим. 90. Ср. то же мнение: Златарски В. Н. История на Българската държава. Т. II. С. 367–368; Spinei V. The Romanians... P. 126.

³⁶ Князький И. О. Византия и кочевники... С. 77.

³⁷ Spinei V. The Romanians... P. 126.

Дата огузо-печенежского вторжения содержится у Никиты Хониата — он относил ее к 5 году правления Иоанна II Комнина, т. е. к 1122 г. (*Hist.* 13.39–40 van Dieten = 19.19–20 Bekker)³⁸. Эта дата подтверждается данными двух независимых источников: уже цитированными выше сообщением Михаила Сирийского, относившего войну Иоанна II с задунайскими степняками к 1121/1122 г. (*Chron.* III, 206 Chabot, ed. 1905), и известием *Ипатьевской летописи* об изгнании князем Владимиром Мономахом кочевников из Руси в 1121 г. (ПСРЛ, II, 286). *Terminus post quem* Веройской войны, видимо, является февраль 1123 г. — время гибели участвовавшего в ней севастократора Андроника Комнина (*Mich. Ital. Fr.* 83.18–24 Gautier)³⁹, сына императора Алексея I Комнина. Интересно, что ни Киннам, ни Хониат ничего не сообщают даже об участии севастократора в этой войне. М. В. Бибииков предложил объяснять это тем, что военные действия завершились уже на левом берегу Дуная, как об этом пишет Феодор Продром, отмечая «зaduнайские успехи» севастократора Андроника (*fr.* 527.8 Majuri: ὑπερίστρια κаторθώματα, ср. *Niceph. Basil. Fr.* 52.24–25 Garzya)⁴⁰.

При решении проблемы географической локализации событий «скифской» кампании Иоанна II Комнина следует исходить из отмеченной выше зависимости Никиты Хониата от сочинения Киннама. Так, в уже цитированных выше фрагментах оба автора свидетельствуют о переходе «скифами» Истра–Дуная (возможно, в районе Добруджи в Нижнем Подунавье⁴¹) и последующем их вторжении в северные области Византийской империи. При этом Киннам пишет о «скифском» вторжении в «Македонию» (*Hist.* 7.15–18 Meineke), тогда как Хониат сообщает о нападении «скифов» на «Фракию» (*Hist.* 13.40 van Dieten = 19.20 Bekker), упоминая при этом предыдущий конфликт с этими варварами при Алексее I Комнине, когда кочевники заняли «Фракию и опустошили большую часть Македонии» (*Hist.* 14.45–47 van Dieten = 20.3–5 Bekker). М. В. Бибииков справедливо рассматривал данное выражение Никиты Хониата в качестве риторического плеоназма, отмечая условность наименований «Фракия» и «Македония» у византийского автора, нередко употреблявшего оба термина для локализации тех или иных действий к югу от Дуная⁴². Возможно, именно связью с придунайской территорией следует объяснять фразу Михаила Италика ὡ τῶν παριστρίων ἀγώνων (*fr.* 82.7–8 Gautier) и слова Иоанна Киннама ταῖς παριστρίοις πόλεσι (*Hist.* 118.11; 119.17–18 Meineke), не имеющие ничего общего с фемой Паристрион, которая к этому времени уже не существовала⁴³.

Рассказывая об активной фазе византино-печенежской войны, Киннам пишет, что Иоанн II, перезимовав в Верое, весной начинает решающий поход на «скифов» (*Hist.* 7.18 Meineke), при этом, не уточняя, произошла ли битва рядом с этим городом. В свою очередь, Хониат прямо говорит о том, что, выступив из пределов Верои, византийцы уже «в сумерки напали на скифов» (*Hist.* 14.63 van Dieten = 20.22 Bekker: κτεφαῖος τοῖς Σκύθαις σурρήγνυται), из чего можно заключить, что сражение состоялось недалеко от Верои. Вслед за этим фрагментом Хониата, большинство современных исследователей

³⁸ Дискуссию о дате, со ссылками на важнейшую литературу, см.: *Каждан А. П.* Еще раз о Киннаме... С. 10. Прим. 28; *Византијски извори...* Т. IV. С. 6. Прим. 1.

³⁹ *Kurtz F.* Unedierte Texte... S. 86. Ср. *Gautier P. Michel Italikos. Lettres et discours.* Paris, 1972. P. 87. N. 15, который датировал гибель Андроника Комнина около 1131 г.

⁴⁰ *Бибииков М. В.* Византийские источники... С. 225.

⁴¹ *Diaconu P.* Les Petchénègues au Bas-Danube aux IXe–XIe siècles. Bucureşti, 1970. P. 79. Ср. *Любарский М. Я.* Византийско-печенежская война... С. 3–5.

⁴² *Бибииков М. В.* Византийские источники... С. 216–217.

⁴³ *Златарски В. Н.* История на Българската държава. Т. II. С. 369–370; *Бибииков М. В.* Византийские источники... С. 213.

локализуют окончательный разгром «скифов» в окрестностях Верои (ныне Стара Загора в Болгарии)⁴⁴, подразумевая, следовательно, что кочевники проникли за Балканы. Однако уже Ф. Шаландон сомневался в том, что печенеги перешли балканские ущелья⁴⁵. В самом деле, по справедливому замечанию М. В. Бибикова, вряд ли византийцам было целесообразно устраивать зимние квартиры на глазах у находившихся рядом врагов, и, скорее всего, их лагерь отделял от «скифов» горный хребет⁴⁶. Косвенным подтверждением этого мнения служит упомянутый пассаж Киннама о зимовке Иоанна II в Верое перед весенним походом на «скифов» — форсирование горных ущелий в зимний период было сопряжено с огромными трудностями и, судя по всему, ни византийцы, ни «скифы» так и не отважились на эту опасную авантюру. Так или иначе, говоря о локализации событий, следует иметь в виду, что в описании обстоятельств «скифской» войны Хониат, как уже говорилось, почти целиком зависит от Киннама — оба автора, очевидно, подразумевают одну и ту же территорию, поэтому приводимые Хониатом географические подробности свидетельствуют не столько об исторической реальности, сколько о способе его обращения со своими источниками.

О том, что военные действия проходили на пространстве между Дунаем и Балканами, пишет современник событий Михаил Италик, упоминая о «битвах у Гема» (fr. 284.28–285.1 Gautier: τὸν Αἴμον πολέμους); в то же время ни в одном источнике не указано, что «скифы» проникли за Гемский (Балканский) перевал. Кроме того, в другом произведении Михаила Италика, в монодии на смерть севастократора Андроника Комнина (fr. 83–88 Gautier), рассказ о вторжении кочевников в Византию завершается фразой: ἅπαν δὲ τὸ προσδοκώμενον ἴσον ἦν τῷ ἐν χερσίν (fr. 83.10–11 Gautier). По мнению М. В. Бибикова, эту фразу можно понимать двояко: если ἴσον — часть идиомы ἴσον δὲ εἰπεῖν (ср. 84.12), то следует переводить как «все, на что они рассчитывали, было, можно сказать, у них в руках»; если ἴσον — это «равнина», то получается «вся желанная равнина была у них в руках», т. е. речь идет о территории до Балкан⁴⁷.

Следует заметить, что М. В. Бибилов, рассматривая названную монодию Михаила Италика, не обратил внимание на явно «эпический» характер некоторых деталей произведения византийского ритора⁴⁸. Между тем, эти детали вполне уверенно объясняются при сопоставлении с византийским народным и книжным эпосом: изложение в самом начале монодии ее темы и краткого содержания; использование характерных художественных приемов (анафор, повторов, гипербол, эпитетов) и аллюзий на древнегреческий эпос, включая Гомера; наделение образа Андроника Комнина, стоящего в центре повествования, типичными для эпического героя чертами⁴⁹. В «эпическом»

⁴⁴ Златарски В. Н. История на Българската държава. Т. II. С. 368–369; Magdalino P. The Medieval Empire... P. 184; Князький И.О. Византия и кочевники... С. 72; Vásáry I. Cumans and Tatars. P. 11. N. 38; Curta F. Southeastern Europe... P. 312.

⁴⁵ Chalandon F. Les Comnène. Vol. II. P. 49.

⁴⁶ Бибилов М. В. Византийские источники... С. 217.

⁴⁷ Там же. С. 217–218.

⁴⁸ Там же. С. 224–225. О монодийном жанре в византийской литературе см. Hadzis D. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? // Byzantinische Beiträge. Berlin, 1964. S. 177–185; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I. München, 1978. S. 132–145; Agapitos P.A. Ancient Models and Novel Mixtures: The Concept of Genre in Byzantine Funerary Literature from Photios to Eustathios of Thessalonike // Modern Greek literature / Ed. by G. Nagy, A. Stavrakopoulou. N.Y., 2003. P. 7–15.

⁴⁹ Ср. явно эпический характер описания Львом Диаконом (Hist. 96.19–97.23 Nasius) подвигов императора Иоанна I Цимисхия. Ср. Попова Т. В. Византийский народный и книжный эпос // Византийская литература. М., 1974. С. 93–94.

ключе выдержан, например, рассказ об участии севастократора в войне с «племенем, живущим на повозках» (ἔθνος ἐστὶν ἀμαξόβιον) на византийском пограничье (fr. 83.1–25 Gautier). Судя по всему, эти черты восходят к широко распространенным в Византии в XII в. эпической поэме Διγενῆς Ἀκρίτης и другим песням акритского цикла⁵⁰. Очевидно, в рамках эпической традиции следует рассматривать и описание отваги Андроника, когда он, будучи «еще безбородым юношей» (παῖς ἔτι καὶ οὐπω τὸν ἰουλον ἐξαυθῶν), в одиночку разбил «главное войско персов» (τῶν Περσῶν ἀθρόον)⁵¹, разрушил шатер «персидского» царя и победно завершил всю войну (fr. 84.25–85.2 Gautier). Восхваление подвигов и отваги севастократора, обладающего непреклонной волей к победе и едва ли не всеми христианскими добродетелями, присутствует в монодии византийского риторика, скорее всего, также в силу определенного влияния эпических сказаний о героях — достаточно вспомнить образы Армуриса, Дигениса Акрита, Ксанфина, Феофилакта и др. Кульминация всего повествования Михаила Италика — описание трагической смерти Андроника, сопровождавшейся страшными бурями, ветрами и грозами, сотрясавшими воздух и море, «как если бы мир содрогался от рыданий повсюду скорбящих» (fr. 87.8 Gautier: ὥσπερ τοῦ παντὸς συνθρηνοῦντος καὶ συκατηφιῶντος ἡμᾶς), — еще один типичный мотив эпических произведений.⁵²

В монодии Михаила Италика привлекает внимание еще один фрагмент — описание быта и нравов «племени, живущего на повозках» (fr. 83.1–9 Gautier, ср. Niceph. Basil. Fr. 52.23–25 Garzya). Вряд ли в этом фрагменте можно видеть указание на реальных кочевников, вторгшихся при Иоанне II и использовавших в бою укрепления из повозок (Cinn. Hist. 8.5–10 Meineke; Nic. Chon. Hist. 15.71–73 van Dieten = 21.6–10 Bekker)⁵³. Михаил Италик, как уже говорилось, не участвовал в военных походах визан-

⁵⁰ Лучшие на данный момент издания поэмы с параллельным английским переводом: *Mavrogordato J. Digenes Akrites*. Oxford, 1956; *Jeffreys E. Digenis Akritis: The Grottaferrata and Escorial versions*. Cambridge, 1998. Русский перевод: Сыркин А. Я. Дигенис Акрит. М., 1960. Название песен «акритские» происходит от греческого слова ἀκρίτης, «пограничник, граничар» (от ἄκρα, «граница»). Акриты — особое сословие воинов-землевладельцев, учрежденное в Византии в IX–X вв. для защиты восточных рубежей империи. Самые отважные воины, например знаменитый Дигенис, становились героями песен и сказаний, воспевавших их силу и подвиги. Поэма «Дигенис Акрит», возникшая около IX–XI вв., сохранилась в нескольких редакциях, важнейшими из которых являются cod. Grottaferrata Z a 44 XIV в. и cod. Escorialensis Ψ IV 22 XVI в. (*Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur*. München, 1971. S. 66–68; *Jeffreys. Digenis Akritis*. P. XVIII ff). См. также: *Сыркин А. Я. Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе // ВВ. 1961. Т. 20. С. 129–155; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература... С. 97–107; Beaton R., Ricks D. Digenes Akrites: New approaches to Byzantine Heroic Poetry*. Aldershot–Brookfield, 1993, passim.

⁵¹ П. Готье дает неточный перевод «d'une petite troupe»: *Gautier P. Michel Italikos*. P. 81.

⁵² Подробно об основных сюжетных мотивах византийских эпических поэм см. *Попова Т. В. Византийский народный... С. 89–110; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература... С. 93–107.*

⁵³ В контексте общего представления византийских писателей и поэтов о «дикости скифов» упоминание повозок невольно вызывает образ неуклюжей телеги, в которой вместе с незамысловатым кочевническим скарбом ютились еще старики, женщины и дети. Однако это представление нуждается в существенной корректировке. По данным византийских историографов, «скифские» повозки являлись не просто средством передвижения, а специфическими военными сооружениями. Кроме Киннама и Хониата, об использовании печенегами укреплений из повозок сообщает еще Анна Комнина (*Alex. 344.21–345.5 Schopenus*) в повествовании о печенежской войне 1084–1091 гг. Алексея I Комнина: «Скифы тоже встали в боевые порядки — ведь

тийского императора и, очевидно, о подробностях кочевнического образа жизни судил лишь по сообщениям предшественников. Возможно, в данном пассаже следует видеть отражение достаточно распространенных еще с античных времен идей о том, что кочевники — прекрасные всадники и искусные лучники, проводящие жизнь на повозках (Hdt. IV, 121, ср. о печенегах: Leo Diac. *Hist.* 157.16–18 Nasilus), которые византийский ритор переработал в христианском духе. Впрочем, это предположение сохраняет статус гипотезы, но в любом случае представляется методически неверным использовать монодию Михаила Италика в качестве исторического источника, не учитывая ее эпикориторической составляющей, в данном случае превалирующей над исторической «объективностью».

Подобным образом, по-видимому, следует рассматривать и беллетристическую характеристику «скифов» в цитированном выше пассаже Никиты Хониата. Рассказывая о «скифском» вторжении, он совмещает образный лексический и риторический пласт с библейским, обуславливая этим сочетанием, нехарактерным для классической исторической прозы, особый смысл⁵⁴. Уже в эпитетах, которые Хониат присваивает вторгшимся варварам, просматривается его общий настрой по отношению к кочевникам. В тексте хониатовского сочинения указывается, что при нападении «ски-

они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, — устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями, огородили свое войско крытыми повозками (καὶ τὰς τάξεις τοῖς τακτικοῖς δεσμήσαντες σφίγμασι καὶ ката πυρώσαντες οἴονεῖ ταῖς ἀρμαμάξαις τὸ στρατεῦμα), а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов». Применение печенегами в сражениях повозок производило сильное впечатление на византийцев, которые отводили этому тактическому приему решающую роль в военных действиях «скифов», как об этом пишет Анна Комнина, ссылаясь на мнение тогдашних византийских военачальников (342.11–19 Schopenus): «Палеолог и Григорий Маврокатакалон стояли за то, чтобы отложить битву с печенегами (τῶν Πατζινάκων), и советовали силой овладеть Большой Преславой. «Скифы, — говорили они, — увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой без повозок (εἰ δὲ καὶ οἱ ἵππεῖς ἄτερ τῶν ἀμαξῶν τοῦ πολέμου κατὰ τοῦ μῆσαιαν), то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение и у нас на будущее будет прекрасно защищенное укрепление — Большая Преслава». Как видим, византийцы больше всего опасались именно «скифских» повозок, из-за которых они зачастую терпели серьезные поражения (345.18–346.4 Schopenus): «Брат императора Адриан, которому было доверено командование латинянами, увидев, сколь неудержим скифский натиск, во весь опор бросился к скифским повозкам (τῶν ἀμαξῶν) и после мужественной схватки вернулся назад в сопровождении лишь семи воинов, остальные были либо убиты, либо взяты в плен скифами». Итак, применение повозок в военных целях являлось одним из важнейших тактических приемов «скифов»-печенегов, который, судя по всему, был неизвестен Михаилу Италику, иначе он вряд ли бы оставил без внимания такую примечательную деталь. Это лишний раз свидетельствует в пользу гипотезы о чисто литературном характере его описания образа жизни «племени, живущего на повозках». В таком случае сравнения этого фрагмента Михаила Италика с рассказом о религии куманов у французского хрониста рубежа XII–XIII вв. Робера де Клари, на что указывал М. В. Бибииков (Византийские источники... С. 202), лишены всяких исторических оснований. Об использовании печенегами повозок в военных целях см. уже Голубовский П. В. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором? // Тр. XI Археол. съезда в Киеве в 1899 г. Т. II. М., 1902. С. 71–81 (нам недоступно). О печенежской войне Алексея I Комнина см. Любарский Я. Н. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 532–534; Stephenson P. Byzantium's Balkan frontier... P. 101–103; Spinei V. The Romanians... P. 119–121.

⁵⁴ Об авторском стиле Никиты Хониата см.: Simpson A., Efthymiadis E. Niketas Choniates... P.35–58 ff, с литературой.

фы» выказывали «надменность» (μεγαλαυχία) и «хвастливость» (κόμπω). При этом подчеркивается, что «скифы мужественно встретили ромейское войско, наводя ужас своими конными атаками, бросанием стрел и криками при нападениях» (οἱ τε γὰρ Σκύθαι γενναίως ἐδέξαντο τὸ ἡμέτερον στρατεύμα τῆ τῶν ἵππων ἐπελάσει καὶ τῆ τῶν τοξευμάτων ἐπαφέσει καὶ ταῖς βοαῖς ἐν ταῖς ἐμβολαῖς δυσαντίβλεπτοι δεικνύμενοι). Как видим, рассказ Хониата о «скифском» нападении переполнен шаблонными характеристиками, и речь в нем идет скорее о варварах в принципе, вообще о кочевниках. Эти кочевники характеризуются согласно традиционному стереотипу их поведения — именно это принципиально для византийского автора, именно этот стереотип он и отображает на страницах своего произведения. При этом собственные (этнические, религиозные и т. п.) качества вторгшихся огузо-печенежских племен для Хониата почти не имеют значения.

Повествование о нашествии «скифов» Хониат начинает их сравнением с «саранчой, уничтожающей все на своем пути» (τὰ ἐν ποσὶν ἀφανιζόντων τοῦ τῶν ἀκρίδων). По всей видимости, этим уточнением византийский автор подводит к параллелям между «скифами» и библейскими нечестивыми народами, в частности амаликитянами. Действительно, в соответствии с прямым указанием Хониата, в решающий момент битвы со «скифами» Иоанн II Комнин, став перед иконой Богоматери и с плачем взирая на нее, тотчас же облекся силою свыше и прогнал скифские войска, «как некогда Моисей поднятием рук рассеял полчища амаликитян» (ὡς Μωϋσῆς πρότερον τῆ τῶν χειρῶν ἐκτάσει τὰς Ἀμαληκίτιδας ἴλας ἐλέκλινεν). Данный пассаж является аллюзией на известный сюжет книги Исхода (17.8–13), повествующий о победе израильтян над амаликитянами близ Рефидима, ставшей возможной лишь когда Моисей простер руки. Согласно Пятикнижию, потомство Амалика (אַמְלִיקִי, Ἀμαλήκ Септуагинты) является извечным и смертельно опасным врагом израильского народа. При этом необходимость истребления нечестивых амаликитян продиктована волей Божьей, и до тех пор, пока это не произошло, израильтяне должны помнить об угрозе со стороны потомства Амалика, как об этом говорится в книге Второзакония (25.17–19)⁵⁵.

Таким образом, в свете рассматриваемой последней византино-печенежской войны, проводимые Хониатом параллели с библейской историей (прежде всего, сравнение «скифов» с саранчой и амаликитянами) позволяют видеть в использованных им характеристиках не просто дань этикетным требованиям и литературной моде того времени, но и осознанно выбранный способ передачи важной для византийской аудитории рубежа XII–XIII вв. информации. Судя по всему, последнее «скифское» вторжение воспринималось византийским историком не только в качестве разрушительного бедствия, но главным образом в качестве «ниспосланного свыше» неотвратимого зла, само происхождение, формы и результаты проявления которого лежат в трансцендентальной плоскости. В таком случае окончательный разгром «скифов» (resp. печенегов и огузов) мог рассматриваться Хониатом как еще одно свидетельство богоизбранности и праведности византийцев. В пользу этого предположения говорит и то, что в честь решающей

⁵⁵ Из последней литературы, посвященной амаликитянам, см. *Ellison H.L.* Exodus. Westminster, 1982. P. 93–94; *Cohen J.* The Remembrance of Amalek: Tainted Greatness and the Bible // Harrowitz N.A. Tainted greatness: Antisemitism and cultural heroes. Philadelphia, 1994. P. 289–302; *Greidanus S.* Preaching Christ from the Old Testament: A Contemporary Hermeneutical Method. Grand Rapids, 1999. P. 328–331 ff; *Feldman L.H.* «Remember Amalek!»: Vengeance, zealotry, and group destruction in the Bible according to Philo, Pseudo-Philo, and Josephus. Cincinnati, 2007. P. 9–10.

победы над «скифами» Иоанн II воздал благодарение Богу и учредил так называемый «праздник печенегов»⁵⁶.

Подводя итог, следует указать на некоторые особенности византийской письменной традиции о последней войне с огузо-печенежскими племенами в 1122–1123 гг. Прежде всего, жанровое своеобразие изучаемых текстов обуславливает их рассмотрение не только как сочинений исторических, но и как литературных, с соответствующими методами анализа. Выявление литературной составляющей разножанровых памятников византийской письменной традиции (историографических, риторических, эпистолярных и т. д.) и учет их авторской субъективности должны предшествовать любым попыткам использовать данные византийских произведений в качестве источника реальной исторической информации. Традиционализм и тенденциозность византийских писателей порой приводят к подчеркиванию одних моментов и замалчиванию других, но поскольку эти тенденции зачастую различны у разных авторов, то появляется возможность понять и воссоздать исторические реалии и отделить их от разного рода ученых построений (см. «эпические» черты упомянутой монодии Михаила Италика). При этом в каждом конкретном случае набор авторских клише, образов и стереотипов в свою очередь также требует специального анализа с целью выяснения субъективных «законов выражения» византийских авторов, в конечном счете и обуславливающих способ их обращения с историческим материалом. Так, выясняется, что использованные Никитой Хониатом образы и характеристики очень органично вписываются в общий контекст последнего огузо-печенежского («скифского») нашествия на Византийскую империю. Наконец, специальное внимание должно уделяться корреляции свидетельств византийских авторов с данными других синхронных источников (русских летописей, венгерских и сирийских хроник). Так, отрывочное свидетельство русского летописца, сопоставленное с рассказами византийских писателей, раскрывает предысторию последней византино-печенежской войны и позволяет проследить взаимосвязь русской истории с событиями в Юго-Восточной Европе. Результатом этой войны в конечном итоге стала ликвидация самостоятельности огузов и печенегов, подчинившихся Руси и Византийской империи или поглощенных новыми волнами азиатских номадов. Постепенно уменьшается и количество сведений о печенегах в русских летописях: ко второй половине XII в. в источниках встречаются лишь спорадические упоминания некогда грозных врагов русских князей (ПСРЛ, II, 286, 311, 427–428, 517, 533). Значительная часть разбитых Иоанном II Комнином огузо-печенежских племен пополнила союзнические отряды византийской армии (Cinn. *Hist.* 8.22 Meineke; Nic. Chon. *Hist.* 16.8–9 van Dieten) и в дальнейшем печенеги упоминаются в составе византийского войска во время различных военных экспедиций византийских императоров (Cinn. *Hist.* 143.6–11; 199.12; 236.13–18; 271.3 Meineke; Nic. Chon. *Hist.* 29.52; 30.70 van Dieten)⁵⁷.

⁵⁶ В этой связи мнение П. Стефенсона о том, что использование Хониатом здесь слова «печенеги» является лишь «the emotive ethnonym» и что это обстоятельство «should not blind us to the fact that John was dealing with Cumans» (*Stephenson. Byzantium's Balkan frontier... P. 106*), не представляется убедительным. Ссылка лишь на эмоциональность Хониата как минимум недостаточна и во всяком случае не объясняет мотивы, которыми руководствовался византийский автор, употребляя этноним печенегов в повествовании об окончательной победе византийцев над одним из самых опасных врагов империи за всю ее историю. Подробно о «празднике печенегов» см. *Savvides A.G.C. Η τελευταία Πατζινακική επίδρομή στο Βυζάντιο, 1122–1123 μ.Χ. // Παρνασσός. Τ. 27.4. 'Αθήνα, 1985. Σ. 493–507* (нам недоступно).

⁵⁷ Источники см.: *Бибиков М. В. Византийские источники... С. 199, 225–226.*

SUMMARY

The paper analyses the byzantine tradition about the last war between the Byzantines and both Pecheneg and Oghuz tribes as follows (Joannes Kinnamos, Niketas Choniates, Michael Italikos, Theodoros Prodromos, Nikephoros Basilakos). The author focuses on the problem of correlation between the historical information and the rhetorical fiction in the byzantine literature. According to byzantine sources, the «Scythians» from the Lower Danube invaded the north territories of the Balkans, then that was a real aggressive action of both Pecheneg and Oghuz tribes in 1122–1123, for they disappear from the radar of written sources during the second half of the twelfth century. However, the rhetorical and ideological elements in this tradition played an important role, and it is difficult to say how far it actually reflected genuine historical facts (cf. the epic motives in the monodia for sebastocrator Andronic Comnene by Michael Italikos). For a better understanding of this problem, the author employs different types of explanation, for instance, a hermeneutical method which helps to interpret the difficult messages of the medieval authors, and a careful comparison of the Byzantine, Russian, Hungarian and Syriac sources.